

Василий Борисенко

**Калифорнийская тайна
Никсона и Громыко**

Василий Борисенко

**Калифорнийская тайна
Никсона и Громыко**

«Атанор»

2016

Борисенко В. А.

Калифорнийская тайна Никсона и Громыко / В. А. Борисенко —
«Атанор», 2016

ISBN 978-5-9909935-2-5

Это монументальное творение, написанное свободным стихом, можно воспринимать как некую легенду. А можно — как сокровенную литературу из раздела «Обо всем Небывалом на свете». Всю жизнь министр Громыко хранит удивительную тайну — находясь с дипломатическим визитом в США, они с Брежневым в сопровождении Никсона посещали таинственную базу, где хранятся обломки инопланетных кораблей и тела космических пришельцев, и встречались с чудотворцем, постигшим сокровенные тайнства потустороннего мира.

ISBN 978-5-9909935-2-5

© Борисенко В. А., 2016

© Атанор, 2016

Содержание

Сведения об авторе	6
Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василий Борисенко

Калифорнийская тайна

Никсона и Громько

Издание электронной книги:

Проект электронного книгоиздания «Атанор»

(atanor-ebook.ru)

© Борисенко В., 2016

© Верстка, дизайн обложки. ИП Багракова Т. В., 2017

Сведения об авторе

Родился в 1955 году, 15 октября, в рабочем посёлке Октябрьский, в Волгоградской области. В 1972 году закончил ОСШ № 1. С 1973 по 1975 г. служба в СА. Был в браке с гр. Терешковой Т.А. с 1977 по 2013 год. Вдовец. Сын помер семь лет назад, дочь Оксана вышла замуж и переехала в город Котельниково, имею от неё двух внучат: Полину и Степана. Никогда по уголовному кодексу не привлекался. Работал лет 15–20 водителем. Затем переехал в колхоз, где проработал чабаном 10 лет. Занимался также и предпринимательством. Литературной деятельностью начал заниматься с 1980 года. В 1985 году не удалось издать свою первую книгу «Человек во власти Вратах Сокровениях». Благодаря современному интернету сбросил в сеть примерно в 2000 году два самых моих любимых прозаических произведения. Это – «Маленькая трагедия о Высоцком», а также «Примадонна и гадалщик-бомж». В 2011 году издал в Волгограде в платном издательстве «Станица-2» «Калифорнийскую тайну Никсона и Громько», но без предисловия и добавок, которыми я дополнил позднее это произведение.

Мой адрес проживания:
404330 Волгоградская обл.
Октябрьский район.
х/р Антонов.
ул. Широкая 9.
Борисенко Василий Ананьевич.
Телефон: 8 961 6655324.
borisenko.vasilij@bk.ru

Предисловие

Вообще-то хотелось бы, чтобы читатели приняли это произведение за некую легенду, но для избранных непростых людей, которые составляют меньшинство в обществе, это, конечно, сокровенная литература из раздела «Обо всём Небывалом на свете». Для всех пессимистов, простых людей, могу лишь добавить, что через Интернет можно найти в СМИ высказывание родных и близких Громыко А. А. о том, что пред самой кончиной бывший министр Иностранных дел посмел чуть-чуть проговориться им, сказав вдохновенно, с какой-то гордостью, примерно так: «Если б я только мог рассказать вам одну тайную историю из своей жизни, то, я верю, тогда бы весь мир сразу перевернулся!» Мудрый политик Ричард Никсон поступил после этой необычайной истории иначе. Выполняя поручение от Сун Дина, он прибыл в октябре 1993 году в Москву и посетил изолятор в Люфортво, где встретился с Руцким и Хасбулатовым. Однако он не рассказал им, что их посещал в трудные для них минуты сам повелитель Девяти истоков Сун Дин. Намеренно не выполнив такого простого поручения, Никсон закономерно вскоре умер, а его душу сразу забрал учитель Истинного учения, праведник Сун Дин, который дал ему новое брненное тело и сделал его своим последним, девятым учеником для Высшего – Истинного ученья на земле.

Глава 1

Возможно даже здесь сказать:
Не каждый должен тайну знать.
Эпоха нынче наступила новая,
Но для Руси опять тревожная.
Одни говорят, что она – демократическая.
А другие ж твердят, наоборот, – мафиозная.
Но, всё равно, это новое время
Для рассказчика лучшее бремя —
Вывернуть из Небытия его мошну;
И тайну рассказать всего одну.

А начиналась она, когда социализм
Был россиянам будто коммунизм,
И у руля страны великой идеальной
Стоял наш Леонид Брежнев-дорогой.

Под лето семьдесят третьего года
Генсек решил в Америку податься,
Чтоб там, подалее от своего народа,
После важных дел он смог бы оттянуться,
Ну а потом зараз рукою благодатной
Вознаградить себя опять звездой.

И вот, когда подписан был документ —
Соглашеньё ОСВ, не смеха ради, —
Тут Никсон закатил большой банкет
По случаю оттепели, начатой благодати,
Которая с земли нашей снимет гнёт,
По крайней мере, на очень много лет.

Да, умел тогда вождь Советов показать
Всему враждебному буржуазному сословью,
Как можно с дамочками обаятельно плясать,
И всякого зелья выпить с целую бадью.
А главное – соблюсти ещё и весь этикет:
Не завалиться и не обрыгаться на паркет.
Но, лишь настало утро, этот забияка
Сумел, однако, свою голову поднять,
И бровастый, крупный в образе гуляка
Решил с себя одну проблему снять.
И приказал он министра Громыко привезти,
Который все дела его давно умел вести.

Но тот прибыл, увы, совсем не скоро,
Так что генсек вновь набрался коньяку;

Но, встретившись с приказчиком, он быстро
Отрезвел и сухому с тонкими губами человеку
Такие байки по секрету начал тут нести,
Хотя и не должен был по долгу чести:

«Мой друг, – генсек с кровати зашамкал, —
Вчера-сь на ужине мне Никсон уверял,
Что я сперва по правде даже и опешил,
Мистические страсти такие вот напярл,
Как можно посмотреть на потусторонний мир
Или попробовать на вкус Волшебный эликсир?»

Но главное, чтоб мы смогли бы посмотреть,
Дабы потом нам было бы спокойно помереть,
Какой единственный политический строй
На планете останется навсегда, навеки!
Да и в будущем не мешало бы одной ногой
Хотя бы побывать, в течение времени реки.
А сделать это может лишь один волшебник,
Живущий в дебрях калифорнийских, как отшельник...»

«Как можно, Леонид Ильич, вам в это верить, —
Прервав его, ему Громько эдак молвил, —
Что президент такое мог нагородить?
А если правда, вряд ли бы нас в это посвятил.
Скорее, сходно всё на хитрое коварство;
А для него присуще лишь затейливое бахвальство.
Ведь, веря лживости такой, подумать можно,
Что в их стране какой-то Бог живёт?!
И этим расшатать уж будет им несложно
Уставы наши идеальной жизни наперёд:
Ведь у них цель взорвать путь к коммунизму,
Чтоб поклонялись люди лишь капитализму.

Здесь, без сомненья, козни ЦРУ,
Чтоб им затеять свою грязную игру.
Им, бестиям, уж больно тошно от того,
Что мы защитим от домыслов любого,
И зря стараются, толстосумые подонки,
Нас заставить верить в эти предрассудки.

Скорей всего, там гипнотизер-артист,
Который на руку, естественно, нечист.
Разденет перед телекамерой догола,
Чтоб выставить вас за драного козла.
Я бы за его такие проделки и шутки
Показал президенту только дудки».

«Но, друг мой, – загнусавил генсек, —

Вчера пришлось мне дать добро.
Ведь знаешь ты, какой я человек,
Когда бес, как говорят, уже в ребро.
И вот от танцев и марочных бутылок
Сейчас трещит спина и ещё затылок.
Ах, какие дамы были на балу – кокетки,
Блудные глазки, все падшие красотки:
Липучие они до нашего пахотного брата.
Понадевали все на себя столько злата;
Ну, словно все как небесные богини,
По крайней мере, ясно – все герцогини!

Конечно же, был ими очень озабочен,
Что птахами такими я тесно окружён.
Они все лезли до меня с улыбочкой, щипались,
Или спокойно, сексуально, прилеплялись.
А потом заманивали меня размякшего на танцы,
Вот как умеют развлекаться эти иностранцы.
Ох, как мне тяжело, брат, однако же, сейчас,
И ни с чего охрип мой прежний громкий глас,
В душе, поверь, как будто котики скребутся,
И мой живот посмел арбузом весь раздуться.
А главное, представь: не помню я до сей поры,
Куда запропастились у меня проклятые штаны!

Ой-ой! Мой любезный друг Андрюха!
Какую бяку выворачивает отрыжка,
Притом ещё и тошнота идёт из брюха.
А голова как колокольная кубышка —
По всем по швам она, негожая, трещит
И однозначно похмелиться лишь велит.

Да ты не бойся, друг мой, как каналья,
Это всё, пойми, для встряски и веселья.
Но если даже это какой-то заговор,
Мы расторгнем подписанный договор,
И это толстосумам даже больше навредит.
А в ядерной войне, и так понятно, никто не победит.

А вообще, на блеф это, в общем, не похоже, —
Мне президент ещё вчера трезвому сказал:
«Коль к чудотворцу полетим мы всё же,
То по дороге, наверно, сделаем привал.
С собой же кого угодно можешь прихватить.
В этом он смел чистосердечность проявить.

По правде, мы предварительно договорились —
Прогулку надобно как-то хитроумно скрыть:
Летим, якобы, в Калифорнию поразмыслить,

Чтоб связи наши и в дальнейшем укреплялись.
А по сему незачем прессу за собой тащить
И тех ещё, кто без сенсаций не умеет жить».

«Мой чистосердечный Леонид Ильич, —
Но далее Громыко его уж приструнил, —
Гляди, беды себе ты этим не накличь.
Ведь я тебя всегда и молил, и просил:
Держись подальше ты от всяких аферистов,
И будешь в партии первейший из марксистов!

Ещё ты знаешь очень хорошо, дружок,
Что означает «капиталистический силок»?
И им они хотят накрыть всю нашу страну,
И дальше по обману жить, но не по карману,
А этот Никсон в помыслах совсем не чист!
Ведёт себя ну как настоящий авантюрист!

Печенкой чувствую и политическим нутром:
Бесчестный этот у Ричарда Никсона приём.
Он, видно, хочет так посмеяться над тобой.
Не верь ему, злодею, и оставайся сам собой,
Тогда не будешь, братец, выглядеть козлом.
По крайней мере, хоть не первейшим дураком.
Ну ладно, раз слово дал, теперь уже крепись
И на меня опять во всём спокойно положишься.
А я уж, несомненно, всякую братию иль мафию
Раскушу там, и тем паче – чародейскую бестию.
А потом президента, как упрямого козла,
Прижучу, чтоб с него вся дурость вмиг ушла.
Но сейчас, во-первых, враз душ прими, дружок,
Чтоб моментально привести себя в порядок.
Ведь знает каждый в мире – глупый и знаток —
Поговорку: «Хоть долог день, да час короток».
Так что у нас с тобой на сборы есть ещё часок
Перед путешествием в этот райский уголок.
А теперь о деле, а это уже будет во-вторых,
С нашей стороны не надо делегации большой.
Возьмём с собой туда охранников двух глупых
На всякий случай и для неожиданности любой.
А главное, избавиться потом от этих олухов.
О нас не должно остаться даже малых слухов.
В-третьих, нам лететь к этому лешему – благому
Нужно обязательно только лишь на вертолёте,
Дабы запомнить нам получше сверху панораму.
А также с ихней стороны участников похода
Не более, чем нас, должно быть по числу народа,
Так президенту Никсону и скажи на переплёте».

И вот скоро или совсем, быть может, запоздало,
Возможно, и ярко, а может и, наоборот, тускло,
И надо ж, просочился всё же с той эпохи свет
Через столько необычных, с тех пор минувших лет.
Вот уже к вертолёту президент Штатов идёт —
С большими залысинами, примерно средних лет,
Ростом небольшой, а как хорошо себя он ведёт.
Улыбается всем и рукой добропорядочно машет,
Как мудрый политик, правильно себя тут ведёт.
А рядом его гость бредёт, еле ноги волочёт.
Ай-ай-ай! Да это же никак тот самый предводитель
Советского Союза! Тот, кто награждать себя любителю,
Незаслуженных многих подвигов и дел «самохвал»,
Ведомый под ручки, чтобы он не споткнулся и не упал.
Да-да. Это наш несравненный Леонид Ильич «брюзгливой».
А во всех газетах писали тогда: «Наш дорогой рулевой».
А здесь у вертушки, перед провожающими, как назло,
Генсека и вовсе страшно очень, неприлично развезло.
Не может он просто, читатель мой, совладать тут сам с собой.
А здесь ещё и злободневные репортажи прямые ведутся кругом,
Что делать? И лидер Советов влезает в кадр, будто козлом,
Но всё-таки быстро, к счастью, все государевы мужи
Бочком пробрались на борт большого вертолёта, как ужи.
За ними, читатель дорогой, последуем, естественно, и мы,
Дальнейшую историю познаем романтической тайной кутерьмы.
Но если мы не только свою душеньку при этом позабавим,
То для нашей жизни, несомненно, многое и главное познаем.

Делегация двух стран летела очень даже долго,
Но посадки, дозаправки были заметнее всего,
И чтоб всем было можно в спокойствии поесть,
Пришлось им по дороге на одну из баз ВВС сесть.
А может просто непогода разразилась с небес
Прямо на глазах у наших соискателей чудес...
Но президент сказал им тогда с хитрющей рожей:
«Судьба всегда у нас подвластна воле божьей!
Сейчас немного мы от полёта славно отдохнём,
Чтоб вы познали главного побольше обо всём.
Но сперва, конечно, надо и слегка перекусить,
Чтоб наше тело с головой смогло в союзе жить.
Затем покажу одно прекраснейшее чудо света
Без комментария и лишнего подробного отчёта.
Потому что сами многое ещё совсем не знаем,
А что знаем, то вам чуток расскажем и покажем.
Ну а затем мы с вами дальше полетим, конечно.
Но что узнаете – молчок, оно ведь засекречено».
Советский лидер был тогда очень добродушный,
Ну а до греха поклонник необычайно страстный.
Любил поесть, поспать он и с кайфом побужить.

Ну а ещё, конечно, различные награды получить,
А также коллекционировать драгоценные металлы.
И родичам их после раздаривать из-под полы.

Но ещё больше от обычной повседневной скуки
Лидер КПСС просто помирал от страшной муки
До всяких-разных сплетен и нераскрытых тайн,
Хотя б ему и рассказал их даже сам шайтан.
За это смог бы душу он и дьяволу продать,
Чтоб информацией любой секретной располагать.
Ну что же далее, скажу я вам, друзья мои, юлить:
Не смог Громько друга от сего шага тут отговорить.
Ведь знал он своего генсека, как попа в рогоже,
По его блудной, слюнявой, вечно похотливой роже,
Кой ратовал лишь, как бы на халяву поживиться,
И дал добро на предложение такое согласиться.
Сам Брежнев, радуясь душой, весь так зарделся,
Что на ходу из фляжки быстро разом похмелился.
А вот отобедать категорически сразу ж отказался
И только президента он поторопил быстрее на то,
На что пристойно тот же здесь и напросился,
Им показать, что охраняется в убежище так свято.
Вот чуть пришельцы дух сумели свой перевести,
Как от трапа Никсон их повёл уже до новой цели.
А туда надо было всех на чудной тачке подвести.
Стеклянным куполом накрытое авто на колёсиках,
Даже на машину не похоже вообще на самом деле,
А так: тарелка, накрытая другой тарелкой, как на часах,
И как-то даже без руля, и без шофёра, и без звука;
Лишь с нажатием кнопки быстро, классно, плавно
Авто такое повезло их, а рулила невидимая рука.
И вот уж в молниеносном, быстром стиле, гарно¹
Всех мытарей в один ангар наземный тотчас завезло.
И, открыв само свои двери, высадку им произвело.
Коль в то убежище без приглашения попасть, друзья,
Добра не видеть, без сомненья, ни за что и никогда.
А в общем, одним словом, Бог единый лишь судья
Тому, кому пришлось бы ненароком забрести сюда.
Тут стражники надёжные, зоркие роботы-солдаты
Испепеляют всех, кто не предоставляет им мандаты.
Есть на пути их хитроумные ловушки и силки,
Ещё в дверях всех электронные, магнитные замки.
Отмычки к ним – лишь из платины пластинные ключи.
Чтоб инфракрасные кодированные световые лучи
Не учиняли нашим путникам преграды на их пути,
А способствовали в нужную дверь, в помещении войти.
Тут в полуночном лабиринте, в тиши прохладной

¹ Гарно – хорошо.

Президент остановил чуда искателей рукой одной,
Потому что у самого главного раскрытого входа
Встретил их гид для показа дальнейшего похода.
Был он седоволосым, в больших очках, но не стариком.
Однако в летах, и видно, был... дельным человеком.
Назвавшись просто академиком по ин-явлениям,
Он сказал следовать за ним, как родным друзьям.
И молча всех повёл куда-то вниз, словно бы тайком,
А по пути плоского спуска открыл ещё две двери ключом.
И правда: всегда всё сокровенное держат как в тюрьме,
И наши мытари предчувствовали узреть нечто в полутьме.

Всё в нашем мире тайное содержанием богато,
Невидимое людям, оно глубинной сутью черевато.
Хранит в себе большое таинство вещей, их скрытый вид.
Но всякий раз ли темнота существенное тут таит?
Не будучи, увы, такую темнотой нисколько,
Поскольку темнота по роду не слепота, но только
Имеет свой сущий первозданный цвет по праву,
И лишь она нам подарила галактику на славу,
И до наших дней, ещё нянчит, как свою забаву,
В своей стихии тихо, без заботы, словно на плаву.
Но вот в полутьме здесь, к примеру или к слову.
Потусторонний странный мир упрятан будто наяву!

Тут проводник нажал на мобильном пульте кнопку,
И сразу всех ослепил приятный белоснежный свет,
И чуда искателям открылась удивительная панорама
На сотню штук фантастических летательных объектов.
Но, оценив в убежище прекрасную значимую находку,
Вмиг взрыв ликования пророкотал навроде грома.
Представь, читатель, то были целые и битые тарелки
Конфигураций и конструкций разных и любых объёмов.
На корпусе у всех окошечки или щелевые стрелки,
А также заметны мини-дверцы, надписи как рисунки.
Есть на них и неопознанные иероглифы, цифры, точки,
Определяя также этим свой цивилизованный подъём.
Сам бункер напоминал искателям чуда простой ангар
Для укрытия, хранения разных реактивных самолётов:
Вширь и вверх примерно на метров тридцать пять;
В длину лишь сто, коль на глазок тут грубо измерять.

Но везде здесь по табличкам, как особенный товар,
Разложены были разновидности этих звездолетов.
Пощупать НЛЮ чтоб или погладить просто их рукой,
Хотелось бы мечтать каждому о фантастике такой.
А здесь кругом по ним уж так ладонями натрёшься,
Как будто въяве по иному измерению пройдёшься.
И мимолётная по времени такая вот преграда

Была всем нашим путникам как величайшая награда.
На все вопросы президент Никсон только им сказал,
Что отвечать на них бесполезно, да и невозможно.
Не потому, что он кому-то так строжайше наказал,
А потому, что они, к сожалению, сами, как ни странно,
Не доросли ещё до своих сородичей, так сказать, умом,
Не знают, как смотреть на них под правильным углом.
Но, к счастью, всё же кое-что они узнали мельком,
Открылась им лазейка раз, как будто ненароком,
И выяснилось: звездолёты эти заряжены одной душой,
Чтобы от звезды к звезде лететь светящейся стрелой.
Магнит обычный, расщепленный, в тарелке диски кружит,
А плазменные лучи во чреве им ускорителями служат.
А сейчас, к примеру, для всех разбитых или целых блюдец,
Не найден нужный ток для их буйных, так сказать, сердец,
И потому компьютеры немые от чужеродного им света.
К сожалению, от того, мол, нет нам ни приветов, ни ответов.
Копошатся лишь вокруг этих прекраснейших моделей,
Осознавая, что они находятся, как бы под ихней дулей.
«Одним словом, сколько ни бились над этим ученые отцы, —
Заканчивая примерно так, тут Никсон стал за гида говорить, —
Да всё напрасно, чистосердечно свидетельствуем мы.
Не знаем толком даже, как с этим дальше поступать,
Но видно лишь, во Вселенной этих НЛО полным-полно,
И ими нас интригуют инопланетяне ловко, как бы заодно».
«Однако, – на сей раз продолжил гид – ученый-академик, —
Сумели мы разгадать случайно на обломке НЛО одном
Иероглифы, начерканные на ихнем язычке инопланетном.
Но чтоб вопрос у вас, одушевленный, с ходу не возник,
Сейчас прочту вам, господа, те трудные переведенные слова.
Стишком, который заучил, послушайте, как начинается строфа:

«Раствор магнита и ещё живая ртуть, как суть,
Даёт космическому аппарату к звёздам путь.
В своём чудесном и простом устройстве,
Даёт молниеносное движение в пространстве.

Необъятная Вселенная совсем не пустота,
Поскольку в ней есть всё: ширь, глубь и высота.
Но только все галактики ведут себя всегда,
Как расплоснутые рыбы в глубоких океанах...
По их дискам можно и определяться иногда,
Где у Вселенной верх иль низ в её глубинах».

Да, читатель мой, неопишима для смертных наших глаз
Под этим сводом здешняя такая фантастическая панорама.
Но только президент Америки уже торопится на этот раз.
«Идёмте далее, – сказал он, – ещё не кончилась программа».
И просит всех он у одной двери объёмистой уже собраться,

И прекратить наконец-таки по свалке этой попусту шататься.
И вот лишь путешественники у той самой двери собрались,
Никсон, соблюдая этикет, их вмиг в бункер особый заташил,
А оттуда чуда искателей враз в лифт просторный посадил.
Но едва лишь только двери вмиг с шипеньем в нем закрылись,
На коммунистов какой-то страх сильный панический нашел:
«Не бросят ли нас здесь в подземной шахте, на производ?»
Но президент доверчиво рассмеялся и, подбадривая, моргнул,
И неуместные, напрасные опасенья их сразу же отвергнул.
«Но разве можно, – успокаивая, сказал он, – вы мои друзья.
Ведь есть же поговорка: «Кто умеет с толком веселиться,
Тому незачем вообще из-за каких-то пустяков страшиться».
К тому ж, вдобавок, к слову, я джентльмен, а не свинья!»
Сей лифт спустил их плавно на один этаж в подземелье,
Где чуда искателей обняла немедленно глухая пустота.
Хоть темновато, но кругом ощутимо ясно: кафель-чистота.
Прохладный дух и неприемлемое для всех полное безлюдье.
И всё же виден был ещё и выход из сумрачного зала
В другую комнату, где стоят шкафы у стенок этого подвала:
Где гид попросил потом, чтоб поскорее им переодеваться.
А для этого вытащить из шкафов тапочки, пилотки и халаты.
Но, только воплотившись в них по-быстрому, как полагается,
Рассмеялись, глядя на себя в трельяж, словно какие-то солдаты.
И, как замороженные, пошли они вперед за проводником опять,
Чтобы время драгоценное, как говорится, зазря не потерять.
И вот, выйдя из раздевалки, вновь они пошли по коридору,
Но все передвигались потихонечку, гуськом и без разговорю.
Пока им академик-проводник не приоткрыл заветную дверь
И, извиваясь перед путешественниками, как скользкий червь,
Попросил войти в хранилище, где тайны укрывает сей оплот.
А помещение было то похоже на разинутый пустотелый рот.
Но комната, что на вид померещилась им как пустая,
Была на деле, если приглядеться, совсем, увы, не такая.
Из пластика стеночка её поперёк-пополам разделяла,
За ней был транспортёр в полу, живая ленточка будто бежала.
В стенах для её прохода отверстия, они там, как в гроте, зияли.
Но куда дорожка уходила, ни гид, ни Никсон здесь не сказали.
Ещё сама лента в транспортёре шириною с длинную кровать,
Наверное, непростые и громоздкие вещи ей нужно таскать.
Но, если признаться перед читателем своим, это и для того,
Чтоб некий тут груз не повредился, упав на пол в случае чего.
Ну, а за транспортёром, видно, далее под комнаты потолком
С передней части и, так сказать ещё, с торцевой, лицевой стены
Торчал из неё небольшой телеобъектив будто ненароком.
Снимая всё подряд, бесспорно, как вездесущий глазок сатаны.
Тут у прозрачной стены, чтоб перед спутниками объясниться,
Хозяин американских штатов всех попросил приостановиться.
«Сюда пришли мы неспроста, – сказал им здесь президент, —
А чтобы остался у нас в судьбе один прекраснейший момент,

Который в жизни нашей, несомненно, запомнится надолго.
Это одно из чудес на свете, которому надо нам тут поклониться.
Если этого не сделаем, потом такого случая, наверно, не повторится.

А в существование инопланетян поверить надо нам более всего.
Сначала мы поглазеем на погибших, так сказать, биороботов,
Затем посмотрим и на человековидных, полуживых
звездолётчиков.

Они прибыли к нам, – продолжал президент, – конечно, без даров.
Но от различных звёзд и, может даже, из галактических миров».
Лишь только Никсон речь свою, что затянулась так, закончил,
Как подал сразу же проводнику рукою знак, как будто для
смотрина.

А тут ещё шустрый академик и добавочное освещение включил,
И этим словно нежно ослепил трясущихся от волнения мужчин.
«Что будет дальше, – мыслят путешественники и глядят во все
глаза,

И что же вытащит живая ленточка из своего выходящего лаза?»
Но тут замедлила ход и стала тихой полоса транспортёра,
И не резва она, как раньше, к слову, и никуда уж боле не бежит.
И вот наконец-то на дорогих золотых лодках им всем вывозит
Первого, бесспорно, космического, необычного чело... визитёра.
А за этим, как какие-то дублёры, последовали сразу и остальные,
У всех усопших тела скрючены в гримасах, словно были они
больные.

Всегда, везде всю масть отважных и умнейших гуманоидов
Расцениваю я как первых разведчиков со всех других миров.
И потому, мой дорогой читатель, нам невероятно сложно
Их повстречать, к общей радости, на нашей маленькой Земле.
А здесь лежат в различных комбинезонах, словно безмятежно,
Безусловно, с десятков мертвецов, как в идеальнейшем кремле.
Одни ростом на полтора, другие даже так на целых три метра,
И, к удивлению, руки длинные у всех, как у проворных бедуин.
На всех конечностях – руках, ногах – у каждого космического
визитёра

Ровно, без сомнений даже, по четыре удлинённых пальца только
И с острыми когтями, дико, страшно, безобразны все как один.
Даже в гуманоидах благообразности тут не найдёшь нисколько.
Да, на земле подобное, мой друг, такому вряд ли где-то сыщешь.
И даже экспонат такой, наверно, ты не найдёшь и не разыщешь.
Чего только их безволосые, как будто бы облизанные, головки
стоят:

На лицах отсутствуют брови, а безносые их дырки всех пугают.
Застывшими глазищами словно какой-то ужас страшный видят,
Разинуты их рты, о чем-то самом гиблом нас они предупреждают.

Налюбовавшись, насмотревшись наконец-то вволю да без шума,
Американский босс вновь без промедления подал рукою сигнал,

Чтоб этот транспортёр, обслуживающая ленточная машина
Всех этих мертвецов из комнаты зараз и без почестей свезла.
Но для хранения, возможно, сцен подобных, в тайниках укрыла,
Где всегда имеется потаённый ледниковый зал или подвал.
А здесь опять опустевшая дорожка тихонечко едва-едва ползёт,
И снова миролюбивый президент поучительную речь заводит:
«Напоминаю всем, – глаголет он, – это были биороботы-солдаты.
А теперь вы увидите зрелище необычайное и завлекательное».
Да... на интересном самом месте время прибавляет обороты.
Давайте и мы поглядим всё же, что здесь ещё самое главное.

«Сегодня, – продолжал он, – из-за вас я рассекретил документ,
Чтоб вы поглядели на трёх людей, инопланетных космонавтов.
Правда, на полуживых, но всё-таки не на мертвых супостатов».
И сразу после слов махнул опять рукою он в один момент,
И тотчас лента везёт большой квадратный аквариум прочный,
На те, где паразитов обычно содержат, похожий очень.
Все путники в пластиковую тумбу скорей во все глаза глядят,
А там – три человека в креслах, как будто дремлют или спят.
Они обвешаны трубками и проводками от верха до самых пят.
Все ростом одинаковы, на глаз примерно метр пятьдесят.
Одеты в легкие золотисто-желтые комбинезонные костюмы.
У всех условно спящих, можно сказать, лица не были угрюмы.
Но если охарактеризовать мне в них какую-то особенность,
То можно описать, чтоб соблюсти хотя б чуть-чуть формальность.
У каждого космического гостя необычайная на плечах башка.
Не голова как будто, а просто зрелая тыква иль кубышка.
Руками нашими едва ли тут возможно их попытаться обхватить.
Такое, дорогой читатель, трудно даже как-то и представить.
В остальном же похоже очень многим на нас, грешных людей,
Такие же губы, рот у них небольшой, прямой с ноздрями нос.
Глаза, хоть и закрыты плотно, но видно их зажали так ресницы.
А если выше посмотреть, также они не лишены густых бровей,
Ещё большая прядь на голове у космонавтов смоляных волос.
Ни усов, ни бородок знатных, не имели их удалыцы-пришельцы.
Сказать по существу, здесь у всех, у этих звёздных молодцов,
Имелись также на руках, ногах по пять нормальных пальцев.
Тело у них было совсем безволосое, но эластичное, желтое.
«А кровь в них, – говорил тут гид, – необычайная, но простая.
Окрашена она в белёсый цвет с оттенком ярко-голубым,
Не свёртывается с нашей кровью, но к группам подойдёт к любым.
По словам и на глаз пришельцы в возрасте, так, средних лет.
Как понимаете, то самый наилучший в людях истинный рассвет.
Экипаж подобран в самую долгую, дальнюю дорогу не случайно,
Только, как бы лучше сказать, из одного пола – мужского рода.
Дабы от сердечных дел в полете были независимы, возможно,
И неугнетёнными остались влиянием пагубного женского плода».
Гид смолк, а на лицах космонавтов как будто бы проявилась,
К сожаленью, думается так, больно странная, загадочная улыбка.

И, бесспорно, в подсознании ещё какая-то информация осталась. И снится им, ничуть не усомнимся мы, своя родная матушка-земля.

И отчий дом, где детство-юность, возможно, пробежала вмиг, шая.

«От созвездия Тельца, – сказал академик, – прибыла к нам эта тройка».

Здесь как-то боязливо сей проводник достал альбом из дипломата. Он был прошнурованный, бесспорно, крест-накрест, золотым шнурком.

И неохотно, побряхтев, сказал им всем, как прямодушная простота:

«Для доказательства у нас имеются ещё тут и цветные фотоснимки,

Которые мы, к счастью, разумеется, отсняли уже после их поимки, Где скопом наши подопечные идут по аэродрому не спеша, пешком.

Так что же здесь, чёрт возьми, – вскричали разом коммунисты, — С ними произошло или случилось такого, господа капиталисты?!»

Да, скажу по случаю такому, за эту бесшабашную самодеятельность

Требуется всегда незамедлительная всем для ответа ясность.

Но, сдаётся, без сомнения, было все давным-давно уже оговорено, И тайну эту огласить и показать им с прибабасами² разрешено.

«Хотя прошло уже довольно много лет, – отвечал здесь академик, —

Сюда доставили однажды с Аргентины один подбитый звездолёт, Который походил на диск, а наверху был куполообразный шарик. Люк не открывался в нём, и решили вырезать дверной фрагмент, Так как невозможно было рассекретить закодированный замок.

Вот тогда и сделали на крыше аппарата небольшой совсем лючок. И только после этого, – продолжил изъяснять шустрый академик, —

На четвёртые сутки, с большими проблемами, все наши активисты Закончили наконец-таки этих нехороших космонавтов извлекать. Когда спасли, – подкашлянул гид, – нашли там бортовой журнальчик.

Но о нём потом, а сначала на этих вот набросились из ЦРУ садисты И начали их, как простых людей, шприцами помогаться, истязать. По-видимому, – академик продолжал им так вот объяснять серьёзно, —

Нашим невольникам здесь не понравилось такое обращение явно; И однажды вырвался тогда у космонавтов в единое мгновенье Душераздирающий какой-то клич, протяжный, будто на прощанье.

И сразу же в руках у наших звездолетчиков откуда-то появились,

² С прибабасами – с преувеличением.

С наперсточек так, лазоревые пилюли, которые плазменно светились.

Одним словом, мы были в шоке, – говорил откровенно им академик, —

Но перед всеми лично, несомненно, я заявляю всегда напрямик, Никто из следопытов не понимает, правда, до сегодняшней поры, Как сумели от сотен глаз спрятать такие светлячки эти вот курьеры.

И тем не менее пилоты успели беспрепятственно их употребить И, не запивая водой, целиком взять и пилюли просто проглотить. Едва очнувшись, мы бросились тотчас же к пленникам быстрей, Дабы избавить их от неожиданных плазменных конфеток поскорей. Но поздно. Инопланетяне, к удивлению, стали уже как светильники.

У всех тела уже небесным синим светом словно сразу засветились. А после минутного сиянья вроде бы нормализовались эти мужички.

Но, вздохнувши напоследок глубоко, мгновенно сразу повалились.

Сперва мы думали, – продолжал проводник, – что всё уже пропало,

Что так нелепо, глупо от нас ушли космические пилоты тут навеки.

Но через год, к счастью, мы убедились в положение здесь обратном,

И нам, как несомненно видно, с ними опять безумно повезло.

Они теперь не мертвецы, но в состоянии, бесспорно, коматозном. Сказать про них можно – эти люди не простые, но они преступники?!»

«Обожди чуток, – подняв руку и прервав ученого, заговорил Никсон, —

Сначала мы для цивилизации вынуждены были сделать эксперимент

И у одного из космонавтов, так сказать, это самое слотнутое изъять

И вытащить из живота, по всем канонам хирургии, чудесный элемент.

Но, изъяв, мы не сумели в штучке той самого элементарного узнать, Из чего оно сотворено, но только погубили этому подопытному сон.

И вообще, – продолжал Никсон с изречением и пояснениями в свет, —

Всякое украденное добро, с давних пор известно всем, впрок не идёт.

Зато мы засвидетельствовали эту использованную чудную пилюлю.

А, в общем, эта штучка с виду как застывшая росинка, очень уж чиста.

Словно минерал какой, а по формату похож так на маленькую пулю.

Хотя, к сожалению, эта штукавина давно уже без излучаемого света.

Да вот ещё казусный момент, – заканчивал, безусловно, президент,

—

Добавлю лишь, мы так и не узнали, из-за чего тело может так светиться.

Но вот без пилюли у космонавта сердце сразу ж перестало биться. Казалось, к сожалению, на этом казусе и завершится эксперимент, Но наши лекари большие не допустили этак нашему герою помереть.

Но только лишь пришлось его в специальную барокамеру отправить».

«Пилюлю эту непростую, – стал далее мудрый академик пояснять,

—

Мы, разумеется, в тот год в научный центр по ин-явлениям услали. Но минуло уже с тех пор, к сожалению, примерно годиков так пять, И только в том году её назад, к общей радости для нас, прислали. На то, с пилюлей вместе, естественно, и документ из центра получили,

Где полноценно изучить такой феномен они просто не сумели».

От русских стал подниматься ропот, но гид не поглядел на этот бум.

И так же далее невозмутимо объясняя монотонно, он им говорил: «Дабы понять нам хоть чуть-чуть немного идеальный, высший разум,

Ту изъятую пилюльку от космонавта мы по договорному контракту Преступнику, приговорённому к смерти, дали, чтоб он её употребил.

И только тот сглотнул её, как непробудным сном заснул в минуту. Представьте, гости дорогие, – с азартом продолжал тараторить гид,

—

Узник от неё спал не день, не два, к примеру, а целый месяц.

И даже больше б спал, подопытный, бесстрашный, бесславный удалец;

Но вот когда её из живота его изъяли, дабы анализ провести на вид, Подопытный проснулся в одночасье сразу, с печальным видом весь.

Пилюлька же по форме и по весу не изменилась ни на йоту здесь. Господа! – гид явно лукавил вдохновенно, – Во время местных испытаний

Подопытный преступник был лишен самых важных, жизненных питаний.

Представить трудно всем, как жить без еды, воды и кислорода даже,

Как можно целый месяц пребывать в пятидесятиградусной жаре или стуже.

Но как из живота его прозрачную, неопознанную пилюлю тут изъяли,

Наш смертник сразу же очнулся и поведал, что над ним тут вытворяли.

А также, – одним словом, продолжал шустрый гид, словно бенефиций,³ —

Подопытный этот угнетённый про нас, про всех всю правду изложил.

И словно бы все наши личные квартиры на базе этой как-то посетил.

И, конечно же, написал отчёт про это всё в подробностях, как сценарий.

По-видимому, он духом был и, как бестелесный, всюду проникал, Летая над каждым человеком, но сам тем временем, напоминая, спал».

«А нас, – прервав академика, продолжил Никсон, – единодушно убедили

Наши опыты, к общей радости, над инопланетянской пилюлей, Что это матрица такая, и потому, сдаётся, тут ещё дел совсем немало.

Сейчас она у прежнего звездолётчика-преступника в желудке, Который, бедный, сразу как бы помер без сосульки внеземной своей.

А с ней, наверное, словно в коме, живущий на её невидимой подпитке».

«Что за чёрт?! – не вытерпел Громько. – Что за ерунду вы нам несёте?!

Какое преступление могут пилоты совершить на этом добром свете?!

Как можно первопроходцев истязать?! Прошу, чтоб кто-то разъяснил».

Никсон сразу голову опустил, а ученый гид тотчас ситуацию прояснил.

«Дело в том, – промолвил он, – что эти звездолетчики к нам прилетели,

Как вы знаете, с созвездия Тельца и тайно в контакт зачем-то вступили

С главарями нацистской Германии и даже подарили им звездолет, А на нём троим лишь пассажирам был запрограммирован к ним перелет,

К ихней звезде, в любое время даже, чтобы увидеть их цивилизацию.

И Гитлер с приспешниками в 1945 году воспользовались приглашением

И улетели на инопланетянскую землю, кинув так свою любимую нацию.

³ Бенефиций – человек благоденствия.

Есть бортовой журнал, а также фотоснимки с подробным описанием,

Где нацистские преступники блаженствуют на райской той планете».

«Что за чушь, – не вытерпели тут Брежнев и Громыко, – вы здесь несете?

Какой отчет? Вы же языка ихнего не знаете и уж точно не понимаете».

«Да, – кивнул гид, – но по рукописи на борту, которая велась в полете,

Мы расшифровали эту письменность и узнали, что к ним у нацистов

Существовал сигнал, и раз за год они могли их даже к себе вызвать.

Если хотите, чтоб вам фотоснимки показали, надо перед телекамерой

На Библии клятву произнести, чтобы вы никому не посмели рассказать

Потом, что увидели и слышали от нас тут, на этой базе сверхсекретной».

«Нам Библия? – рассмеялись коммунисты. – Да мы не крестились никогда!»

«Мы знаем, – хихикнул проводник, – это если вы проболтаетесь, то мы тогда

По снятым кадрам сфабрикуем большой компромат, и вам тогда точно

Будет легче удавиться, так что сохранить эту тайну вам лучше навечно».

После незадачи небольшой, любопытство все-таки сломило атеистов.

Решили все же они на Библии поручиться и тайну эту в себе захоронить.

Тогда проводник сей вытащил из дипломата небольшую книгу – Библию.

Положил ее поверх альбома и, держа в руках, как святую реликвию,

Сказал, чтоб каждый здесь клал на нее руку и с честностью мог заявить,

Что он клянется никогда не говорить, что тут, на базе ВВС, происходило,

И мертв в умах людей пребудет Гитлер, кого Нещадность ада породила.

Здесь мы не будем в подробности вдаваться, как все участники похода

Поклялись честью тут, что не проболтаются до самой смерти никогда.

И вот, закончив клясться так, гид убрал Библию и открыл наконец-таки

Свой альбом, в котором находились с подписями большие фотоснимки.

«Почти все кадры, – сказал ученый, – из бортового журнала звездолета,

Который привезли наши инопланетяне кому-то, для какого-то отчета».

Гид по одному фотоснимку вытаскивал из альбома и отдавал по кругу;

А также зачитывал, что означает сей кадр, подписанный под ним снизу.

«Вот, – говорил он, – в НЛО под ручки затягивают самого ярого нациста.

А вот, – показывая другой снимок, – он уже внутри этого звездолета.

Он сильно болен, но жив, лежит в корытце там, как человек безвинный.

Всё та же челка, специфические усики и взгляд из-подо лба звериный.

Вот снимки, – отдавал гид с десяток кадров, – они уж на другой планете:

Из НЛО выводят Гитлера двое его спутников, улетевшие с ним вместе.

Лиц невозможно разглядеть из-за того, что обросли очень бородами.

Вот уж сели на дисковый вертолёт, вот летят над незнакомыми домами.

А это, – гид отдал им еще пару фоток, – Гитлера обследуют уже врачи.

Вот, далее, всем делают переливание, то есть закачивание иной крови.

Да и не какой-то, а инопланетянской, от которой фашистские палачи,

Как трактуют записи под снимком, проживут еще лет сто без хвори».

Далее гид извлек и показал страждущим до сенсаций чуда искателям

Еще пачку фотоснимков, где эти же нацисты идут к каким-то зрителям,

В рукопожатие щерятся с ними, везде им суют цветы и разные подарки.

Есть кадры, как гоняют мячик или зимою на лыжне устраивают гонки.

Различных снимков тут навалом, но каждый кадр воспринят словами

У всех странников враз: «Этого не может быть – никак не может быть!»

И как смогли инопланетяне подружиться братски с этими садистами?!»

Но академик просит по-товарищески не шуметь, успокоиться, остыть.

«А это уже наши фотоснимки, – отдавая разъярённым чуда
искателям
Еще кадры из альбома, – из жизни этих здесь вот арестованных
людей.
Видите, все они здоровы, идут по аэродрому сами, без нашего
конвоя.
Хотя и пленники, ведь они в 47-ом году вели битву с нами у
Антарктиды
И резали лучами наши корабли, как жестяночные банки, эти
паразиты.
Их НЛО подбил наш летчик на таран, вот так мы захватили этих
с боя.
Но сначала экипаж их дотянул до Аргентины, где и упал под воду.
В салоне было идеально сухо, хотя на дне они пробыли очень
долго».
Здесь умный гид почему-то замолчал и на Никсона посмотрел
убого,
А тот с чего-то странно засопел. Но заявил вмиг экскурсионному
народу:
«Это все, – сказал он, – по сравнению с тем, куда летим мы, просто
дребедень.
Сейчас на улице не бушует ураган, и нужно нам успеть за светлый
день
Добраться до праведника, а это ещё долго, но все ж не из
последних сил.
Так что нам необходимо отобедать, чтобы каждый бодрость
сохранил».
Ну, что же, дорогой читатель, коль время для рассказа здесь не
служит,
То кто-то обязательно об этом, сожалея горько, тужит.
Да, на смотринах «О тайне неизведанной на свете», время
пробежало.
И видя это, Никсон бодро поторапливает их на выход, чтоб всем
успеть,
И не дай-то Бог, чтобы на каком-то еще деле время ихнее
привстало.
К тому же надо освежиться, откусать и постараться сразу ж
улететь.
Представьте далее, мои друзья, как от такого его здорового
решенья,
Все путешественники наши тут радостно вострепнулись для
движенья
И без всяких лишних слов уже и разговоров, как-то даже
пободрей,
Поспешили переодеваться, а потом и в лифт залезли сразу
поскорей.
И вот уже, помывшись и чуток перекусив, не для официального
отчета,

Все вскоре покинули эту базу на вертолете для продолжения полета.

Ну что ж, пожалуй, вот и закончилась на этом деле первая глава, Но для кого-то, бесспорно, передышка, чтоб отдохнула малость голова:

А также, без сомненья, осмыслить все и подвести собственную черту,

Читать ли далее «О тайне неизведанной на свете» или изорвать ее к шуту.

А может, из читателей не каждому дано информацией этой овладеть,

Как возможно в наше время человеку во «Вратах Сокровенных»⁴ побывать.

⁴ Врата сокровения – волшебство, колдовство.

Глава 2

Для силы духа и ума, ваш мастер слова будто бы, какая птаха,
И, без сомнения, он поработает языком для вас, как само пряха.

И вот со мной, кто как бы от берега родного, своего всё-таки
отплыл,
Тот через миг мгновения уж в мир загадочный, тихонечко
подплыл:

А над лесным горельефом в небе один из вертолётов здесь парит:
А в нём, конечно, как полагается: американо-русская делегация
сидит.

Нет слов, как намаялись все эти бедолаги в предыдущей той главе;
Рассматривать НЛО, да и внеземных пришельцев, так сказать в
натуре.

Пока вертолёт большой на землю калифорнийскую плавненько
садится:

Представь себе, мой читатель, всё же, что здесь за ландшафт такой;
Куда приземлись путешественники наши на чудо света
поживиться.

Вся эта местность, к сожаленью, же была на вид сильно
мрачноватой:

Обычный, одинокий, деревянный домик, в виде пагоды хилой
стоял,

И он прижимался сиротливо как бы под большой бутылочной
скалой.

Весь дом уже в тени давно, и даже туман его низовья все тут
опоясал;

Взяв, несомненно, в плен вот так, своей седой и влажной, пеленой.

Два аиста тут в любезностях курлыча, гнездятся на верхушке
крыше:

Багряный свет скользил ещё по ним, из-за того, что были они
выше.

Ручей от этого жилища, зигзагами и с брызгами торопясь бежит,
Куда-то с шумом вниз, но о своём одном бубнит, как дух бурчи
вый.

Чтоб через него пройти, горбатый мостик здесь по праву служит:
Он деревянный и резной, а чёрный лак придаёт ему тон отменный.
Ступеньки каменные к дому на подъём всех нас, конечно, доведут;
От не ходьбы по тропке этой, уже зелёный мох им завладел густой.

Как можно не заметить полуразрушенную из кирпичей ограду тут.
Их обвивают сплошь кругом плети дички лишь густого винограда,
А так же у домика углы до крыши: а ещё выступы у скалы крутой.

К сожалению, не весел даже окружающий покой местного пейзажа.

Сплошь вокруг просто страшный чёрный лес и ужасный бурелом; По-видимому, тут ураганы, смерчи бывают часто, как в самом аду. И сразу душу гнет, да томит в страхе всех, какая-то тревога колом; Как будто прилетели чудо искатели к «бабушке Яги» на ворожбу. И больше здесь не слухом, и не взором просто даже не найдёшь, Вообще и никогда ни кур, ни коз каких-то, ни псов сторожевых. И, без сомнения, хоть сотню вёрст иль миль ещё вокруг пройдёшь, Представь себе, читатель мой, тут не найти совсем следов людских.

И лишь мытари двух супер держав великих, осмотрелись здесь с опаской,

Как сразу ж, с шумом-гамом улыбаясь, озираясь, повывлезли из вертолёта.

Как к ним подошел молодой монашек, по виду, как от веры христианской;

С капюшоном, в чёрной рясе и смиренно, из-за разбитого кирпичного пролёта.

Он руки только, для приветствия молча на груди своей сложил, и лишь, затем

Раскланялся чудо искателям, и уж, следовательно, после этого смиренно всем;

Также молча, жестом показал, чтобы они к небольшой пагоде за ним прошли.

Все тоже, разумеется, понимая, закивали головами и сразу за ним заковыляли.

Хотя Громыко шел со всеми, он как-то недовольно и ехидством носом шмыгнул.

По его такой ухмылке можно лишь понять, какую шутку тут с ними пожелали —

Проклятые буржуи разыграть, чтобы опозорить все их идеалы в этой жизни.

Ведь надо ж, в какую трущобу затащили, чтоб уверовали в мистические бредни.

И президент Америки, такое не довольствие его заметил и, конечно же, смекнул:

«Видно этому заму, о «Потустороннем мире», не правдиво, неточно изложили».

И потому от этого уже у дома, на крыльце Никсон всех чудо искателей остановил,

И таким неверующим как Громыко, он настоятельно и серьёзно их предупредил.

«Друзья! – начал наставлять президент. – Я призываю к благоразумию вас сейчас;

Быть осторожными, во всём, ведь за дверьми Новый Мир, открывается для нас.

Оставьте наконец-то здесь на пороге этого дома, все свои вредные привычки:

Такие как гордыня, чванство, а также всякие лихие подковырки – поговорки.

Не дай Бог, к примеру, кто в мире том из вас безрассудно, попробует с хамить;

Тот, к сожаленью, в бездну ада сможет, по-глупому, сразу ж точно угодить.

Прямо говорю: не знаю я, сколько мы будем у этого первоучителя в гостях,

Там не бывает времени никогда: и даже стрелки замирают на любых часах.

Напоминаю: волшебник сам по национальности, по-видимому, азиат китаец.

Ему не нужен переводчик, ни какой, он в жизни нашей пребольшой скиталец.

Подумать только господа: прошел по свету все страны, материки и острова;

Пока не отыскал в горах Калифорнии, вот эти мирные, совсем спокойные края.

И почти один в тиши, и в полном от мира сего уединении в затворничестве

Постиг, возможно, в пещерном храме тут «Истинного ученья» в совершенстве».

И процитировал: «А сердце его оттого, что отверг он ученья иные, схожи с луной,

Чисто и зеркально оно: и на нём, представьте, ни пылинки ереси нет, ни одной».

Закончив так путешественникам говорить, хозяин штатов был просто непоколебим.

Он сразу же рукой махнул всей своей свите, чтоб они, не боясь, пошли за ним;

И развернувшись быстро тут на месте, в избушке ткнул с размаху дверь пинком,

И как бы с провожатым иноком из первых, в сей дом проворно влез бочком.

И чудо искатели все бесцеремонность, проявили и последовали таким Макаром:

Ворвались почти толпой, бегом, в тот скромный, с вида скажем, тайный дом.

Забыв за раз от власти своей греховной, от светских своих всех наслаждений,

Что ждёт впереди таких людей, которых бремя обняла уже, для испытаний,

Где б только ни был путешественник иль странник в чудной стороне,

Такого храма, я ручаюсь, без сомнения, он не видывал вообще нигде.

Внутри жилища тут нет окон, ни комнат, ни дверей, ни перегородок,

А г-образный, длинный, широкий коридор, и пол как лёд был гладок.

Здесь в стенках, как бы по бокам: светильники кувшинчики пылают;

И от них, конечно, всюду благодатные эфирные пары, клубясь, парят.

Но вот прекрасный коридор привёл всех до дугообразного проёма; Когда прошли их, то открылась взору всем, громадный, странный зал.

А из глубин его доносились тихое, журчание ручейков: начало из начал.

Да, то был действительно, какой-то храм, очень гигантского объёма.

Сам зал, как круглый диск, с радиусом так, примерно, в 100 метров.

Из-за туманности вверху, наверное, потолок был ещё более высоким.

Нашим мытарям, как муравьям сюда заблудшим, не оценить размеров —

Сего крова, потому что им казалось всё тут неосязаемым — далёким.

Ещё отметим мы: в этом храме было множество проёмов без дверей.

Но подсчитать их можно, а таких тут ровно — девяносто одна штука;

И все, как близнецы похожи, в виде дугообразных, выгнутых бровей;

И, несомненно, видно налицо, таится в этом очень хитрая ловушка.

Но, к сожалению, мы об этом не узнаём, а так сам зал почти пустой. Но не грех тут всем полюбоваться лишь одним драгоценным троном.

Стоял он лицом, зашедшим, посередине зала, для назначения благой.

Но, без сомнения, напоминает в отраженье зеркального пола издали

На божественный, распустившийся цветок лотоса на водяной глади.

В глазах это просто живая картинка, с очень зачарованным видом. С одного бока сам трон казался путешественникам желто-медовым;

С другой стороны уже, или под другим углом, — багряным — червонным,

В ковровых накидках, в злаченых нарядах и в алмазных подвесках; Был он высоким, на черепашьем щите, и по праву в царских окрасах,

И, следовательно, вот тут, на этом самом драгоценном троне,
лично

Бессмертный и всесильный человек сидит, действительно,
привычно.

А рядом, как полагается, склонившись к нему, его послушники
стоят.

Благие все подвижники – ученики, одетые по сану в монашеские
рясы.

Их восемь молодых ребят, которые искоса на наших мытарей
глядят.

На что Громько за-смеясь, сказал: «Да это явно ряженые
лоботрясы».

Никсон сразу побледнел, а генсек сказал, чтоб его заму рот зажали.
В это время ученики внимали, чему прочитанная учителем сутра
учит.

А мытари, уняв Громькина, сейчас глазели тут на необычайное
светило.

Которое было вверху над тронном и, явно, над головой учителем
парило

В метрах так, двадцать пять от пола, без сомненья, а может и более.
Оно было как жемчужина, но освещало весь зал в храме, тем не
менее.

Вращаясь там, на месте колесом, оно как солнышко прекрасное,
сияло.

Само примерно – так с яйцо, но писк свой однотонный тихо
испускало.

И это крохотное чудо даёт неограниченное, неиссякаемое, тепло
и свет;

И только людям грешным будет, безусловно, не ласков от неё
привет.

Пока, пожалуй, озираясь тихо, вся группа к трону медленно здесь
шла,

До греха водных дядек, такая речь от первоучителя – понятная
дошла:

«Любое всё, что с виду формой обладает как-то,

В действительности, и по сути формы лишено.

Пустое ж место завсегда и никогда не пусто;

Хоть пустотой одной нам, кажется, всегда оно.

Шум один, иль тишина одна, молчанье и беседа

В действительности меж собой равны всегда.

Бывает иногда в полезном даже деле видно

Лишь только бесполезность скрывается одно.

Причины и следствия бед и несчастья, о которых мы здесь
говорили,

Вещают лишь об одном: какую неправду лжецы на земле
прославляли.

Когда по неведению в нашей жизни люди зло вместо блага творили;
Какие народы земли для духа отраву от лживых пророков
приняли.

Все наши помыслы, утехы мирские, как и всё тайное с миром
родство,

Известно Всевышнему, но не мешает течению, саму суть к
изменению;

Возможно, намеренья для грехопаденья, подталкивает на то
божество.

Испытывая так, чтоб жили мы не по своему, а по избранному
течению.

Достойные ж, братья мои, по жизненному пути идя, совершайте
деянья;

И вы узнаете последовательность, пророчества от школы
созерцанья.

Как трудно очень, пред бездной неизвестности, благочестивым
идти:

Всё время, совершенствуясь к перерождению, по неизведанному
пути.

Так, вы же изгоните вон, раз и навсегда, в конце концов, из своих
сердец

Завистливые, лживые и всякие юродствующие душу, порочащие
страсти.

Сумейте, продолжал праведник слова, – сор ереси от истины
смести:

Да так, чтоб засиял вовек над вашей головой – божественный
венец.

Ведь тлен из жизни, без сомнения, как и вся жизнь, из тлена
вытекает

На смертных или на-бессмертных их Нирвана Бога только
разделяет!

Но посмотрите-ка сюда, – продолжал истолковывать праведник
слова, —

К нам в обитель: Девяти истоков пожаловали важные господа
снова.

Но запомните, ученики мои, среди них есть один заблудший
обманщик.

Он грешен так, как будто выполз к нам из пекла ада бес –
приёмщик.

Но, как истинный партиец, обожает сильно злые подковырки и
обман.

Такие неверующие в Бога люди, как правило, таскают при себе
наган;

И уже сейчас от его ехидной трухлявой оболочки, смрад один
идёт;

Но вот таким, конечно, верю, он сегодня к бесам на отмывку
попадёт».

Несомненно, дабы лучше рассмотреть наших всех путешественников,
А может, просто из-за приличия, праведник с царского трона встал;
И поэтому на небольшое, некоторое время он, разумеется, замолчал.
А мой дух, так же вместе с дорогим читателем, в группе спутников,
Подшли степенно, почти к этому времени, до самого золотого трона,
И стали разглядывать хозяина храма, которому прибыли неспроста:
Сам он был немножко сухощав и, можно сказать, среднего так, роста.
Наверное, на вид лет шестьдесят, но очень крепкого, волевого стана.
Лицо у него точно и явно не сильно морщинистое и уж совсем не белое;
А цветом, так сказать, скорее так, было восточное, золочёное, желтое.
Ещё нельзя не отметить, широченные брови и зоркие очи, как у орла.
Даже зубы, заметили все потом, были у него чуть-чуть лишь редкие:
Но зато, уж конечно, отменно – крупные и жемчужно – белые – крепкие.
А борода у праведника коротка и редка и трезубцем была вся бела.
Сам праведник замысловато тут одет, как будто с царских он палат:
На нём сидит с большими очень рукавами, китайский шелковый халат.
А на голове его отменно сделанный убор косынкой из дорогой парчи;
И на ногах лишь укороченные, из дублёной кожи, коричневые сапожки.
Он руками, как бы опирался важно на металлическую, в палец, трость;
И со стороны, без сомнения, подчеркивало в нём достоинство и честь.
Такой человек таит в груди, бесспорно, незримый луч сияния святого;
Чтоб побеждать не силой, а молитвой душе губителя врага людского.
И только лишь хозяин храма тут открыл свои уста, как сразу ж снова,
Все чудо искатели вновь поняли без переводчиков такие вот слова.
Господа! Я приветствую вас с прибытием в храм: Девяти источников!
Я знаю также без знакомств, безусловно, все ваши фамилии и имена;

А ещё, что привело вас всех сюда под прикрытием,
путешественников;

И в каких познаниях цепи, вам недостаёт, всего лишь одного
звена.

По рангу, я Бодэ-дух Небесный, но вы называйте проще: дед Сун
Дин.

Но, к сожаленью, на земле грешной остался я бессмертный лишь
один.

Но с вами, господа, мне нужно договориться, как-то раз и навсегда,
Что я исполню вам чудачество любое, коль в этом ваша вся отрада.
Только с носа по одному желанью, от которого волос встанет
дыбом;

Но без капли крови, чтоб душа у вас заколыхалось радостным
коштом.

Но зато взамен, за это, я у каждого из вас засушу кусочек мозга
в голове,

Чтобы всё забылось тут для вас, а нас наконец-таки оставили в
покое,

Наступило небольшое молчание в храме, а Сун Дин, как бы в
забытье;

Заговорил потом тихо – пре тихо, не исключено даже, для себя
стихами.

В словах мудрёных, почувствовалось, на мой взгляд, какое-то
нытьё;

Вот-те строфы, но их просто трудно передать поэтическими
словами.

Вредны бесчисленные снедающие, пагубные страсти:

От их влияния нам суждены всегда – одни напасти.

Однако же природа таковых от них почти едина;

И, кажется, печаль в судьбе опять непреодолима.

Но это всё, увы, от тысяч дум, волнений и забот,

С которых нас затащит в свой гибельный круговорот,

И им уж здесь не будет никогда, ни края, ни конца:

Раскрытые, растерзанные, смутьянские, гиблые сердца.

Но всё— таки настанет день, когда всему предел,

Положен будет нашим тяжким сильно испытаньям:

Лавине всяких пустотелых, столь неотложных дел,

Всем суетным мечтам, а также суетным дерзаньям.

Прибудет всё же день, когда к земным страстям

Дух человеческий, неугомонный разом охладает,

Тогда душа, ослепшая на веки – вечные прозреет;

И, образ, взяв нетленный, вознесётся к небесам!

«И так, гости дорогие, – к пришедшим обратился вновь
волшебник, —

Моих стихов вам не понять, хотя вас ровно здесь восемь человек.

Но вы летели столько времени ко мне, как на какой-то праздник:

Хотите истину узнать про этот, ну и, конечно ж, про грядущий век. Что ж! Для вас готов любое сделать чудо, лишь от души пришло оно.

Но, как я и говорил, по одному желанию, это есть условие моё одно.

Пусть даже бредовая или мудрая идея, её исполню враз к примеру; Притом, что в голову при этом, к сожаленью, вам не ёкнула сдуру. И вот теперь, когда моё желание вам тоже, как говорится известно, Скажите прямо, без кривляк: на моё условие сие вы согласны честно?»

Тут наши путешественники дружелюбно дружно, конечно, пошептались,

И сразу одобрительно после закивали головами, то есть согласились.

Тогда Сун Дин похлопал вмиг в ладоши, как истинный владелец дома,

Перед приверженцами – послушниками своими, и тут же распорядился:

«Сию минуту: накрыть в этом зале стол, для самого высшего приёма!»

Но сразу после слов своих, почему – то, от чего – то тут же испарился.

Но ненадолго, примерно, через одну минуту он снова появился здесь.

Прямо пред ошарашенными чудо искателями, просто как-то извиваясь;

Но за такой поступок свой он поклонился им, и этим извинился всем.

И сразу же потом Сун Дин забормотал губами заклинание своё затем.

И чудо! Из ничего появился на полу прямоугольный деревянный стол.

И он расположился там, где находился у чародея его золотой престол.

И как ни странно, уже напичкан был разными, изысканными яствами;

А запах с этих блюд, заставил всех гостей уж предвкусить слюнями.

Все ученики чародея, разбежались по дверным проёмам кто куда.

Но ненадолго, и вот уже к яствам на столе, несут и добавок уж сюда,

А также принесли послушники ещё обтянутые в кожи кресла-стулья,

И сразу ими, естественно, обставили богатый стол со всех его сторон.

И вот как в ресторане уж, шум да гам и разный посудный перезвон. Теперь подробней, что из блюд с яствами тут увидел восхищённо я.

На столе большом, покрытом строго – чёрным лаком
С тонким, врезанным, замысловатым в нём рисунком
Разложены сотни лакомств – много рядно – ловко тут.
В чашах, вазах дорогих к искушенью сразу вовлекут.
А сколько в них плодов румяных или изумрудных;
Груши с заячью головку или мясистый виноград,
Груды яблок, персиков, бананов, ананасов сочных;
Радующий на вкус любой и на искушенный взгляд.
Ну и, конечно, здесь закусок просто море свежих:
Это рыба и икра, всякой масти видов осетровых,
Тут заправленные блюда лишь с подливкой острой.
Здесь с горошком вся, а вот уже под сладкой соей.
Безусловно, есть и с мясной начинкой баклажаны —
Будто только что с плиты горячей сразу принесены.
Есть даже шашлыки тут, а также всякие балычки;
В закопченном виде ещё дичь: утки, гуси, куропатки.
А сколько на столе колбас, это просто туча блюд:
А к ним томаты, и на их основе перчик и аджика
Почитателей своих, бесспорно, уж давно тут ждут.
Золотые сыры везде, а ещё со сливками клубника.
Здесь и рис отварной, со специальной приправой,
От него распространяется пар аппетитный такой.
А сколько хлебных пирогов воздушных и сдобных:
Столько же было пампушек солёных и медовых.
Сколько из рассола здесь нежно сладких грибов,
Или ряды салатов из хрустящей капусты да огурцов.
Яств и кушанья, различных валом, просто вдоволь,
Перечислить о застолье этом точно болей не берусь.
Без сомненья, все там были вкусовые сочетанья:
Винов вдоволь всех и всё, для такого угощенья.

И вот лишь под попечительством кудесника, за угощением
расселись,
Глаза чудо искателей вмиг невольно жадно по застолью
разлетелись.

Сун Дин тоже сел к столу, но перед едой расслабиться призвал.
Затем опять привстал и без церемоний, отведать пищу наказал.
А дальше по-простецки, всем гостям сказал лишь напоследок:
«Вы ещё не знаете, но перед вами я очень даже старый предок.
Сейчас за застольем всё, что вы будете, несомненно, пить и есть
Является тут божественным волшебным питанием, что ни на есть;
И, следовательно, если вы, господа, каждый день такую пищу ели,
То, без сомнения, тогда три столетия, без болезней вы б прожили!
И уж после этого моего скромного и чудодейственного угощения
Три дня не будете справлять свою нужду от благого причащения.
Столько времени, потом забудете ощущать ещё и чувство голода.
И потому тревожится затем, вам нет никакого от этого повода».

И лишь после этого кудесник сел, а его гости кушать принялись, У многих путешественников от нетерпения даже руки затряслись. Но всё же все здесь они свою бесцеремонность дружно проявили: Набросились, как голодные волки, на еду и почти всё употребили. Но волшебник распорядился, и сызнава накрыли так же этот стол. А гости, поедая всё за обе щеки, говорили, чмокая, все до одного: «Что за вкус и аромат? И что за дух в нас божественный зашел?! Признаться честно, никогда и нигде мы не ели ничего подобного!».

А дальше здесь всё, может было бы за застольем таким отлично; Но вот когда изрядно гости все до отвала тут наелись и напились, Как бы из-за барского стола Громыко вышел дерзко непристойно. И обратившись до Сун Дина, сказал ему, зловеще ухмыльнувшись: «Владыка! Вам нужно знать, что не для того в гости едут далеко, Что в своём родимом доме кушать, может, нет совершенно ничего. Хотелось бы убедиться в вас на самом деле, какой бессмертный вы?!»

Или, к сожалению, такая же труха, как все собравшиеся здесь мы?! А в ваши фокусы не верю, и, следовательно, не желаю их я знать, И в ваш капкан гипноза не позволю, своим товарищам попасть?!». Лишь Громыко смолк, волшебник из-за стола к трону чинно вышел

И, развернувшись до гостей, сказал, как будто всё уже предвидел: «Есть у русских поучительная поговорка: «от волка оборонишься, А вот от злого ненавистного человека уже никуда, не упрячешься?!»

И только после этого он Громыкину здесь на заданный вопрос сказал.

«Ну что ж, герой, гляди сюда, – и палец кверху, говоря ему, поднял, —

Сейчас ты и все, безусловно, видят надо мной крохотное светило, Но это, скажу так: вземная сфера, чтобы моя душа в ней царила! И чтобы разум твой и моих гостей в догадках сердце не томило, Скажу вам по секрету лишь одно: в этой оболочке вся моя сила!

Но именно из-за неё я смог однажды бессмертие в себя вдохнуть! А чтоб оно светило эдак?! Я в тигле золотом покорил живую ртуть!»

Здесь все головы приподняли и бросили окончательно пить и есть, И к бровям приставили ладошки, чтоб вновь светило рассмотреть. А это «Крохотное солнце», быть может, лишь величиною, так с кулак

Было, как я уже сказывал, примерно, в метрах около тридцати так. И всё так же на плаву в пространстве теплотой дышало и парило, Давая вечный день в подземном храме этом, как микромодуль НЛО.

«Ха-ха! Бессмертный? – и Громыко начал нарываться на волшебника, —

Так я на слове, как мошенника, сейчас тебя уже подловил,
владыка,

И посмеяться никому не дам, над нашей коммунистической
главой,

Хотя б и пришлось бы мне за правду – матку поплатиться
головой!»

Тут все глядят, как в одно мгновенье, этот большевистский идеал
Перевоплотился на глазах у всех, и стал уже как уличный жиган.
Под продолжающийся свой хохот, он враз из своих брючин достал
Настоящий самый, скажем так, шпионский, чёрный, небольшой
наган.

«А ну-ка, сидеть тихо, господа, – Громько на американцев
закричал, —

А не то с кудесником вас всех могу до одного, как собак
перестрелять!

Сегодня я на вас, проклятые буржуи, очень даже сильно осерчал:
За одурачиванье пролетарий, таких людишек надо б точно
истреблять.

Тут дальше, без сомнения, события уж больно круто развернулись.
От дерзости такой у всех приоткрылись рты, и языки зараз
отнялись.

Зато хозяин дома, достойный чудотворец про-прадедушка Сун
Дин

Не выдавал своего, к удивлению, никакого беспокойству тут один.
А, в общем, со стороны казалось, что ему, наверно, здесь всё
равно,

Хотя наган этого злодея был направлен точно и только на него
давно.

Конечно, сей рассказ мой больно тихонечко и медленно уж
ведётся;

А дальше дело происходило так, как в комнате веничком метётся.
И министр Громько никого здесь не собирает зазря страшить,
Но хочет взять на душу грех большой и личную правду доказать.
Для точности злодейства подошел к волшебнику почти вплотную
И, выстрелив в него четырежды, осознал в момент, что всё
впустую.

Гордец Громько побледнел тут, сконфузился, и даже содрогнулся,
И, быстро потеряв глаза, которым впервые не поверил, испугался.
Зато дедушка Сун Дин нагнулся и, найдя четыре пули под ногами,
Подбросил ловко на ладошках их, и хило посмеялся пред гостями.
Тут лишь у гуляк страх сошел, и они вздохнули мигом с
облегченьем.

Вскочили с мест, хлопая в ладони, как будто в цирке веселились.
Но Громько никогда с позиций так своих, не уходит с пораженьем.
Он поднимает сызнова свой наган, и снова все тут насторожились.

По натуре Громько тихий был, а тут как демоны в него вселились:
Зелёные злые огоньки в его глазах, отчего-то разом засветились.
На сей раз он цинично метится уже не в человека и не в людей;

А в чудо – сферу над Сун Дином, в его талисман «Маленькое солнце».

А с зала выкрики уже чудо искателей: «Ты что же делаешь, злодей? Не смей, басурман, стрелять туда, ведь там, у чудотворца сердце?!»

Но, к сожалению, скажем, к бунтарю слова встревоженных людей
Как будто бы так в пустое место, иль вовсе не доходят до его ушей.
И вот из его нагана, гремят уже два прицельных выстрелов всего,
Но только сам как скошенный замертво упал от злодеяния своего.

Но сразу ж рифмы, как нещадные грехи,

Сложились в ситуации такой в стихах.

Откроем мы ж тогда смятённые сердца,

Чтоб жизнь была без тлена, без конца.

Так, брэнное тело, презрев и покинув,

Родной дух отошёл, оболочку отринув.

Вот пробил разлуки томительный час:

Тигель остался, а пламя огня уж угас.

Кто отлетевший тот дух потревожит?

Кто воспрепятствовать этому сможет?

Нам сразу знать то, всё пока не дано;

А в жизни бывает так, что всё решено!

Но всё же все подробности, дорогой читатель мой, уже в другой главе,

Чтоб с передышкой, несомненно, посвежей, виденья были б в голове.

Глава 3

Конечно, всякое лихо имеет двоякое лика, и потому – то это споро. Но только оно ко всему не меняется в сюжете так быстро – скоро; И оттого я остановил рассказ в предыдущей в той главе лишь тогда,

Когда лихой Громыко расстался с жизнью вроде как бы навсегда. Напрасны оказались козни у этого министра тёмных дельцов тут. А за злодеяние, как правило, всегда три шкуры всё равно сдерут. И точно, когда советский дипломат из нагана в сферу стрельнул, В ответ в него из сияющего шара сразу ж луч беззвучно саданул На вроде молнии, праведник при этом не успел вымолвить и слова. Удар луча попал в наган, и он превратился вмиг в кусочек сплава. Ну, а со светилом тут, конечно, ничего каверзного не получилось, И оно всё также в пространстве зала в лучах своих переливалось. Все бросились на помощь к бедолаге, а Сун Дин по-своему решил: Он тут же ловко, с магическим движеньем, заклинание проговорил;

И потому-то на своё непонятное для всех какое-то это бормотанье, Двух призраков получил, чтобы исполнили они его бы приказанье. Опустившись на колени перед ним, оба воскликнули, склонившись:

«О, Властелин! Священных вод! Мы по твоему приказанию явились!».

Сун Дин сперва поблагодарил духов, и по – приятельски им сказал: «Вы уж извините, что побеспокоил вас, но я по делу лишь позвал. Поймите – ка душу разбойника, который в моё бессмертие стрелял:

Не хочу я, чтобы он три дня безнаказанно по земле грешной гулял. Поймав его сразу в преисподнюю к моему побратиму сопроводите; А когда вернётесь назад, мне тот час, срочно об этом доложите!».

Чело видные призраки поклонились на волеизъявление волшебника

И молча вмиг исчезли с вида, для поимки души этого проказника. А в тоже время уж склонилась, тут толпа над телом нашего рвача. Заводят все усопшему, по очереди, его сердечко, так, от толкача. И лишь намаявшись до седьмого пота, ослабел над ним ажиотаж: Ведь, к сожалению, бесполезны мёртвому все припарки иль массаж.

И, удивительно-то, что на теле мертвеца не было следов насилий, Что изумило так, государевых мужей достопочтенных тут фамилий:

Хотя бы на синяк какой, или на царапинку какую-нибудь наткнуться;

А здесь ещё пришла беда: тело трупа стало потихоньку охлаждаться.

И вот уже и первая перебранка между нашими мытарями произошла.

И накаляющаяся обстановка сразу тут по другому сценарию пошла.

Но владыка храма крикнул басом: «А ну-ка, гости дорогие, тихо!»

И мигом над телом в этом зале закончилась перебранка и шумиха.

А в это время прибыли к волшебнику призрачные его слуги духи,

Которые душу Громько доставили в преисподнюю на большие муки.

Они перед святейшим станом опустились, и сразу на коленья пали.

И не поднимая лиц от пола, они в такой смиренной позе доложили:

«О, наш кристальный и сияющий Владыка: Девяти святых истоков!»

Мы уже выполнили все до малейшей точности ваше приказанье!».

В ответ праведник махнул рукой и отпустил восвояси пережитков.

А те, откланявшись ему, исчезли молча снова тут же в неведенье.

А гости, к сожалению, уж дерзко заскандалили опять между собой;

И у застолья ещё бы чуть и пошёл бы точно, страшный мордобой.

Но, безусловно, хозяин храма вновь в такой конфликт вмешался;

И в зале этом, незамедлительно, на эту свору глас его раздался:

«А ну-ка, brave ребята, хулиганить в божьем месте прекратите!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.